

УДК 94(470.51):343.43(045)

*В.В. Филатов***«КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
УДМУРТИИ В 1930-е ГОДЫ**

Статья посвящена одному из трагических периодов истории Удмуртии и страны. Репрессии 1930-х гг. так или иначе коснулись многих жителей. Особую значимость приобретало правоприменение по государственным преступлениям, прежде всего — по так называемым контрреволюционным преступлениям. Фактический материал того времени свидетельствует о нарушении прав человека. Контрреволюционером мог быть объявлен и осуждён каждый, вне зависимости от занимаемой должности. В результате репрессий в первую очередь пострадали зажиточные крестьяне. Именно их объявили контрреволюционерами, главными противниками всех мероприятий советской власти на селе. Неудачи колхозно-совхозной экономики списывались на врагов народа, деятельность контрреволюционных организаций. Защита от мифических преступников превращалась в карательные акции — в организованный Большой террор. Удмуртский региональный материал показывает, что репрессии в отношении сельских жителей и других слоёв населения по контрреволюционным преступлениям не отличались от других регионов страны.

Ключевые слова: Удмуртия, власть, контрреволюционные преступления, крестьяне, кулаки, сельское хозяйство, репрессии, правоохранительные органы.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-614-624

Исследование позволяет осмыслить такой феномен 1930-х гг. в СССР, как организация массовых репрессий. Проблемы коллективизации и отношение власти к крестьянам отражены в научных трудах историков Удмуртии. Исследования К. И. Куликова, К. И. Шибанова, Н. И. Хитриной, Г. А. Никитиной [6; 11; 14; 25; 27] не теряют своей актуальности. Активное изучение репрессивной политики властей началось в 1990-е гг., когда учёным открылся доступ к ранее секретным документам. Исследования по истории репрессий продолжаются и в 2000-е гг. [4; 7; 8; 9, 17]. Анализ научных трудов показывает, что по-прежнему раскрыты далеко не все вопросы. Особенно это касается правоприменения по государственным преступлениям в сельском хозяйстве. Не до конца исследован региональный материал, в т. ч. и в Удмуртии. В опубликованных исследованиях не всегда выделяются такие виды преступлений, как контрреволюционные [12, 13]. Чаще учёные обращаются к репрессиям в целом: по отношению ко всему населению и крестьянству в частности, не анализируя отдельные виды правонарушений. Поэтому нам представляется важным проанализировать проблемы эволюции репрессий властей по отношению к удмуртскому крестьянству. Научный интерес представляют структура и функции репрессивных органов, а также численность, национальный и социальный состав репрессированных ими сограждан.

Громадный пласт архивных источников ещё не изучен. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, на наш взгляд, всё ещё хранит уникальные документы по сравнению с другими регионами Урала и Поволжья. Заслуживают внимания «Хрестоматия по истории Удмуртии» и сборник документов «Общество и власть. Российская провинция. Конец XVIII–XX в. (по документам архивов Удмуртской Республики)» [15; 26]. Однако попытки систематизации источников того периода в публикациях сборников документов иногда вызывают обоснованные претензии [1].

Актуальность проведённого исследования продиктована этими и другими обстоятельствами, не позволяющими в настоящее время достичь определённой полноты изучения репрессий 1930-х гг. на региональном уровне. Назрела необходимость на примере Удмуртии проанализировать организацию репрессий по отношению и к простым крестьянам, и к другим работникам разного масштаба, занимавшимся вопросами аграрной экономики, которым инкриминировались тяжкие государственные преступления. В работе использованы новые, ранее не публиковавшиеся документы. Новизна работы в том, что эта проблематика разработана историками недостаточно полно. Цель данного исследования — извлечь опыт из нашего советского прошлого, чтобы люди не забывали о преступлениях властных структур в годы коллективизации сельского хозяйства.

В течение 1930-х гг. территориальные границы и наименование Удмуртии неоднократно менялись. Территориальные рамки исследования охватывают до 1932 г. Вотскую автономную область; за-

тем (до 1934 г.) — Удмуртскую автономную область и с 1937 г. — Удмуртскую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

Первоначально определимся с понятием «контрреволюционное преступление». Хотя Уголовный кодекс РСФСР (УК РСФСР) после принятия в 1926 г. неоднократно претерпевал изменения, но в основном это понятие оставалось без существенных редакций. Особенно — в части о государственных преступлениях ст. 58-1, определявшая его так: «Контрреволюционным признаётся всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» [22, с. 35]. Ст. 58 с 14 индексами охватывала практически все виды государственных преступлений, помимо преступлений против порядка управления ст. 59 УК РСФСР. Эти уголовные преступления носили ярко выраженный политический характер.

Накануне массовой коллективизации начались преследования т. н. *кулаков*, в понимании властей реальных и потенциальных врагов советской власти, т. е. *контрреволюционеров*. Появление т. н. «Лудорвайского дела» свидетельствовало о смене приоритетов по отношению к крестьянству. Окончание *новой экономической политики (нэпа)* усилило репрессии в отношении относительно состоятельных крестьян. Обвинительное заключение по уголовному делу о массовой порке крестьян за протраву из-за неисправных полевых изгородей в деревнях Лудорвай, Юськи, Лудея-Непременная Вотской области в июне 1928 г. особо подчёркивало участие зажиточных крестьян в избиении бедняков [28, ф. 30, оп. 5, д. 7, л. 1; 11]. Зажиточные крестьяне становились главной мишенью в борьбе с попытками контрреволюции. Если ранее подобное решение за протраву, принимавшееся *кенешем* (земельным обществом), считались вполне нормальным явлением, то в конце 1920-х гг. оно получило классовую окраску, поскольку в этот институт крестьянского самоуправления входили кулаки. Повсеместно ужесточились репрессии именно к этой категории сельского населения. Как справедливо отмечает Г. Ф. Доброноженко, «кулаки» — это социальная группа крестьян, подвергавшаяся дискриминации и репрессиям по социально-политическим мотивам» [3, с. 118].

Теперь в любом несогласии, а тем более в сопротивлении сельских жителей, властные структуры видели контрреволюционные действия. Только за 2-е полугодие 1929 г. в Вотской области 1309 крестьян обвинили в контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления [28, ф. 195, оп. 6, д. 34, л. 309].

Неприкрытое насилие в период широкомасштабной коллективизации приводило, вполне естественно, к сопротивлению селян. За 1930 год в Советском Союзе это вылилось в 13,8 тыс. массовых выступлений, причём 27 % — с преобладанием женщин. Среди причин недовольства крестьян выявлены такие: 53,7 % — коллективизация; 17 % — изъятие и ущемление антисоветских элементов; 10,8 % — закрытие церквей, 4 % — посевная и уборочная кампании; 8,9 % — продовольственные затруднения; 3,3 % — хлебо-мясозаготовки и др. [19, с. 803].

Не стала исключением и Вотская область. Произошло резкое увеличение судебных дел по контрреволюционным правонарушениям: за 1-е полугодие 1930 г. в области осудили 283 чел., в т. ч. 207 кулаков. Весной 1930 г. кулаки совершили 7 убийств, 202 избиения. Было выявлено 757 случаев антисоветской агитации, 389 случаев угроз [28, ф. 357, оп. 1, д. 203, л. 109об]. По неполным данным, во время второй волны коллективизации весной следующего года, был отмечен 491 случай т. н. кулацкой, вредительской и террористической деятельности. К этой противоправной деятельности относились: 266 избиений и убийств, 45 поломок машин и поджогов, 35 поломок изгородей в целях протравы, 28 потрав скотом, 26 отравлений скота [24, с. 248]. Подобное происходило и в соседних регионах [18]. Эти преступления квалифицировались в основном как контрреволюционные и наказывались (по мерам социальной защиты) вплоть до расстрела. Чекисты чаще всего называли вредительскую деятельность кулацкого *кенеша*. По данным Г. А. Никитиной, за 1930–1933 гг. членов *кенеша* обвинили в 45 убийствах, 85 избиениях, 133 угрозах, 45 поджогах, 16 организациях массовых выступлений, 78 вредительствах колхозного имущества [14, с. 194].

Большая часть осуждённого сельского населения попадала под действие ст. 58-10 УК РСФСР. Она определяла уголовную ответственность за пропаганду или агитацию, содержавшие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а также распространение или изготовление или хранение литературы того же

содержания [22, с. 42]. По этому виду преступления предусматривалось лишение свободы на срок не ниже 6 мес. Однако при тех же действиях во время массовых волнений, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собою меру социальной защиты по ст. 58-2 — расстрел, или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства, а при смягчающих обстоятельствах — понижения до лишения свободы на срок не ниже трёх лет, с конфискацией всего или части имущества [22, с. 37–38]. Ссылка на эту статью по мерам наказания была характерна и для многих других контрреволюционных преступлений.

Среди контрреволюционеров оказывались разные люди. Так, колхозник С. Никулин был недоволен политикой партии в деревне, особенно хлебопоставками, за что получил 5 лет лишения свободы. Бригадир колхоза д. Байдалино Ярского района П. Трефилов выражал недовольство советской системой и был осуждён на 3 года. Братья Виноградовы в д. Я. Ключи Бемыжского района исполняли контрреволюционные частушки и, как итог, оказались в неволе на 8 лет. За критику коллективизации пострадал ранее судимый член правления колхоза, который своими действиями нанёс вред производству. Суд ему определил 7 лет наказания [28, ф. 459, оп. 8, д. 35в, л. 73–74, 138]. Единоличники братья Остальцевы и член сельсовета Сахаров получили по 5 лет и 3 года соответственно за высказывания, что «колхозы — крепостное право, в колхозах работают день и ночь, а сами сидят голодные, что в колхозы вступать не надо, так как они всё равно развалятся» [28, ф. 459, оп. 8, д. 33а, л. 23].

В сентябре голодного 1932 г. план хлебозаготовок в Вотской области выполнили только на 28 %. Чекисты быстро нашли контрреволюционеров, и с 15 сентября по 15 ноября ликвидировали 36 контрреволюционных кулацких групп, арестовали и привлекли к ответственности 167 кулаков и твёрдозаданцев (крестьян, обязанных выполнять твёрдые задания по сдаче государству излишков товарного хлеба). Кроме того, изъяли контрреволюционных кулаков и асоциальных элементов — 314 чел., привлекли к ответственности за выдачу, расхищение, распространение и получение фиктивных хлебных квитанций 223 чел. [13, с. 86]. Во второй половине 1930-х гг. под действие ст. 58-10 попал председатель колхоза д. Верх-Четык В. Воронцов. Ему инкриминировалось не только сокрытие колхозного зерна во время хлебопоставок, потери урожая и другие недостатки в управлении, за что полагалась другая статья Уголовного кодекса, а в первую очередь якобы за нелестные высказывания о советской власти. Любое недовольство деятельностью властей могло стать основанием для уголовного преследования. За негативные высказывания о происходивших событиях колхозник В. Салтыков из с. Ежово Юкаменского района угодил на скамью подсудимых. Он получил 4 года наказания [28, ф. 459, оп. 8, д. 35в, л. 76–76об, 78].

Председатель ревизионной комиссии Верхне-Парзинского колхоза Глазовского района Г. Поздеев был осуждён на 8 лет тюрьмы за контрреволюционные выступления. Основанием для лишения свободы послужили отрицательные оценки *ударничества*. По его мнению, оно приведёт к удешевлению общего трудового дня, что скажется при распределении части урожая среди колхозников [28, ф. 635, оп. 2, д. 39, л. 77].

Из состава этих и других преступлений видно, насколько властные структуры следили за словами каждого человека. Поощрявшаяся властями *система доносительства* позволяла правоохранительным органам оперативно получать информацию. Это могли быть как публичные выступления на собраниях, так и в узком кругу общения. Не исключались *слухи* или *лжесвидетельство*. Реакция же была мгновенной. Органы ОГПУ–НКВД быстро открывали дело — и участь человека была решена. Работа правоохранителей оценивалась по количеству выявленных преступлений. Чем их было больше, тем лучше поощрялись сотрудники и их добровольные помощники. Порой и сами работники правоохранительных структур *шли на подлог*, чтобы *выслужиться*. Сломанные судьбы людей их особо не волновали.

Однако в этой системе случались и сбои. Когда откровенно предъявлялись фальсифицированные документы, то приговоры отменялись. Примером того может служить решение судебной коллегии Верховного суда РСФСР, по которому было вынесено определение в отношении восьми осуждённых по ст. 58-10 УК РСФСР из Удмуртии. Они на суде отказались от показаний. Отсутствовали конкретные факты контрреволюционной пропаганды. Дело направили на дополнительное расследование и оправдали невиновных людей [28, ф. 459, оп. 8, д. 1, л. 9].

Не только ст. 58-10 УК РСФСР была в ходу в то время. Применялась и ст. 58-9 за «разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железно-

дорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества» [22, с. 41–42]. При определении наказания здесь вновь использовалась ст. 58-2 УК РСФСР. Крестьянин В. Белых из д. Верх-Повотка был обвинён в поджоге молотильного сырья с нанесением ущерба в 9 тыс. руб. Однако на суде доказать факт преступления не удалось. По ст. 58-9 обвинили Муллахметову, Иванову, Дёмину за умышленный поджог 40 унций колхозного хлеба. Обвинение было основано *только* на признании *одной обвиняемой*, которая являлась душевнобольной и впоследствии отказалась от своих показаний [28, ф. 635, оп. 2, д. 39, л. 148–149, 193].

Органы юстиции сами признавали незаконные методы фабрикации контрреволюционных дел. К ним относились: запоздалое и поверхностное производство осмотра места происшествия; не выявление точного объёма погибшего имущества; бессистемность и неполнота допросов свидетелей, некритическое отношение к их показаниям, не выявление связи между обвиняемыми и наличия у каждого из привлекаемых обвиняемых оснований к совершению данного преступления, что вело к неосновательному привлечению по делу целого ряда лиц; придание политического характера обычному общеуголовному делу и т. п. [16, с. 21–23].

Инициатива возбуждения уголовных дел о контрреволюционных преступлениях в Удмуртии в 1935 г. исходила из разных источников: 4 — по заявлению колхозов, 4 — органов НКВД, 12 — милиции, 5 — по сообщению рядовых колхозников, 6 — от следователей, 1 — по сообщению райисполкома. О качестве расследования таких фальсифицированных дел свидетельствовала статистика: только 42 % дел было утверждено, 14 % — прекращено и 44 % — возвращено на доследование [28, ф. 635, оп. 2, д. 7, л. 79, 136]. Эти факты свидетельствуют о том, что виноваты были не только следователи, но и инициаторы мифических, надуманных преступлений. Утверждённые дела ещё не свидетельствовали об их доказанности.

Для выбивания нужных показаний применялись жестокие методы. Как писал М. Восленский, «подсудимого подвергали продолжавшемуся ряд суток непрерывному допросу. Следователи работали в три смены по восемь часов, допрашиваемому же не давали спать и в нужных случаях били и морили жаждой. Метод был безотказный: на какие-то по счёту сутки подследственный подписывал любой протокол». Затем обвиняемый отказывался от показаний и «конвейер» вновь повторяли. После чего допрашиваемый стремился к любому приговору, даже к смертной казни». Подсудимый заучивал свои показания на процессе и произносил слова признания в суде. Иногда письменные показания добывались с помощью избивания и издевательств над подследственным во время ночных допросов [2, с. 95].

Руководящие работники также не были застрахованы от репрессий по ст. 58-10. Ещё накануне «Большого террора» была проведена своеобразная чистка от антисоветских элементов в земельных органах. С 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. по центральному и местному аппарату системы Наркомата земледелия было осуждено 102 члена якобы антисоветских троцкистских организаций и групп, по системе Наркомата совхозов — 35, суда и прокуратуры — 17, советского аппарата — 65, партийного аппарата — 102 чел. [20, с. 549].

Разгул репрессий в период «Большого террора» дошёл и до Удмуртии. На судебных процессах рассматривали не только правонарушения, совершённые недавно, но и вспоминали прошлое. Статьи по государственным преступлениям имели обратную силу. В 1937 г. был репрессирован Уполномоченный Комитета по заготовкам сельхозпродуктов при СНК СССР по Удмуртии С. Перевозчиков. Его обвинили в том, что не всем хозяйствам предоставлялись льготы, облагали налогами крестьян, освобождённых от них. В числе репрессированных оказался И. Трофимов, заместитель председателя облплана, который с 1927-го по 1930 год возглавлял Вотское областное земельное управление, а затем руководил Вотским сельхозбанком. К расстрелу был приговорён и работник Заготзерна С. Хейфец, которого обвинили в умышленной порче зерна, заражении его клещом, в финансово-хозяйственном развале организации Заготзерно. Не помогло и то, что раньше он работал чекистом.

И. Блинов, начальник сектора учёта Удмуртской конторы Заготзерно, был также арестован. Материалы следствия свидетельствовали о его якобы вредительской, антисоветской деятельности. По протоколу следствия, Блинов занимался антисоветской агитацией, направленной на развал колхозов. Он будто бы разъяснял колхозникам, что надо выходить из колхозов, т. к. в колхозах пользы мало и они уменьшают посевную площадь. К вредительской деятельности относили и то, что Блинов запугивал учёт на пунктах Заготзерна.

На суде по этим делам государственный обвинитель, помощник прокурора Удмуртской АССР сказал следующее: «Трудящиеся Удмуртской Республики высказывают гнев к этим врагам народа, требуют решительных мер борьбы к тем, кто пытался реставрировать капитализм в нашей стране, кто хотел подорвать базу зернового хозяйства... Суд вынесет справедливый приговор, мобилирующий на борьбу с классовым врагом. Требую меру наказания к подсудимым — всех расстрелять».

Был расстрелян и П. Деськов за письмо контрреволюционного содержания, направленного И. В. Сталину. Раньше он работал директором МТС, заведующим сектором контроля исполнения Уральской области, в Трактороцентре, заведующим райздравотделом, председателем и секретарём сельсовета, учителем сельской школы. В 1932 г. его исключали из партии, когда был директором МТС, затем восстановили. В письме Сталину он писал, что «колхозники рассматривают современный колхоз как некоторую разновидность совхоза и хозяевами себя в нём отнюдь не считают, ибо в действительности все мероприятия по колхозному хозяйству проводятся административно». Деськов указывал на то, что поздние сроки сева яровых и озимых проводятся по указанию вышестоящих организаций [10, с. 168, 170–171, 173, 179–180]. Этого было вполне достаточно, чтобы приговорить человека к расстрелу.

В постановлении пленума Удмуртского обкома партии было сказано, что «ряд районных партийных организаций проглядели пролезших в земорганы, совхозы и партийные организации врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов, использовавших создавшиеся из-за неурожая кормовых затруднения в своих вредительских целях и нанёсших животноводству большой урон (Барышниково, Нылга, Можга, М. Пурга)». Чекистами было выявлено, что этих районах в 1936 г. проводились распределение по колхозникам лошадей, кулацкая агитация за убой скота, массовое расхищение кормов [28, ф. 567, оп. 1, д. 572, л. 35].

На непримиримую борьбу с «контрреволюционным вредительством» в области животноводства нацеливал циркуляр Прокуратуры РСФСР от 9 ноября 1937 г. Так, спецколлективом Верховного суда Удмуртской АССР были приговорены к расстрелу по ст. 58-7 и 58-10 УК директор Комсомольского совхоза Н. Кашицин, заведующий фермой Баранов и заведующий откормочным цехом Гудцов. В результате их не доказанного «вредительства» пало 168 голов свиней, было ссыпано в овраг 200 т минеральных удобрений, что привело к причинению материального вреда на 1,8 млн. руб. [20, с. 499].

Решением спецколлектива Верховного суда Удмуртской АССР в декабре 1937 г. несколько человек были приговорены к высшей мере наказания по ст. 58-7. Эта статья в большей степени была ориентирована на борьбу с экономической контрреволюцией. Она полагалась за «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершённый в контрреволюционных целях путём соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций» [22, с. 41]. Мера социальной защиты здесь также определялась по ст. 58-2 УК.

Об «эффективности» разоблачений контрреволюционеров с сентября по декабрь 1937 г. в организации Заготзерно Удмуртии можно судить по следующим фактам. За это время возбудили 7 уголовных дел с привлечением к ответственности 23 чел. Пять дел рассмотрели в суде, по которым приговорили к расстрелу 11 чел. В системе животноводства возбудили 6 дел и привлекли к ответственности 19 чел. В суде рассмотрели два дела и приговорили к смертной казни двух подсудимых [20, с. 512–517].

Смертная казнь стала наиболее устрашающим элементом в деятельности карательных органов. За высказанные мысли можно было не только попасть в лагеря, но и быть расстрелянным. Например, в Удмуртии некоторых заключённых расстреливали в 12–13 км от Ижевска в лесу и закапывали на глубину 2 м в присутствии врача, который констатировал смерть [28, ф. 459, оп. 3, д. 3, л. 192].

Среди обвинённых оказался и председатель колхоза д. Петровцы Карсовайского района М. Некрасов. Его обвинили во вредительстве: расхищении колхозного имущества с причинённым убытком колхозу в 26 тыс. руб. Он якобы гноил колхозный хлеб, лён, картофель, клевер. В 1936 г. сгноил 200 ц грубых кормов, расхитил 100 ц сена. Из-за отсутствия кормов допустил гибель 26 лошадей, 120 коров, 116 свиней. Находясь в таком положении, 22 хозяйства колхоз вынуждены были покинуть, а три человека покончили жизнь самоубийством.

Заместителя заведующего Карсовайского районного земельного отдела Удмуртии М. Ившина обвинили в том, что он будто бы в течение трёх лет занимался вредительством сельского хозяйства.

Он умышленно проводил в колхозах неравномерную загрузку полей по 30 и 50 га, нарушал севообороты для снижения урожая. План сева озимых доводил сверх пределов семипольного севооборота — в результате происходили недосевы и снижение урожайности. По указанию Ившина проводилось двойное обложение колхозов хлебопоставками. Он срывал планы освоения целины, неправильно распределял колхозам государственную семенную ссуду. Так, 24 колхозам выдал ссуды сверх плана 571 ц, а 53 колхозам недодал 1470 ц. В 1936–1937 гг. сорвал подготовку к стойловому периоду. В связи с необеспеченностью кормами в ряде колхозов случился массовый падеж скота, достигавший среди коров 37 %, среди свиней — 44 % и овец — 77 % [28, ф. 459, оп. 3, д. 3, л. 191–192].

Директор Пустошинского совхоза Граховского района Удмуртии С. Ковязин был расстрелян по ст. 58-7 по приговору Верховного суда Удмуртии в январе 1938 г. Его обвинили во вредительских действиях по снижению урожайности и уничтожению поголовья свиней. Совхоз постоянно не вывозил минеральные удобрения со станции. В свинарнике были антисанитарные условия и плохое содержание свиней, что приводило к высокому падежу скота из-за болезней. За 1936–1937 гг. погибло свыше 2 тыс. свиней на сумму 429 тыс. руб. [28, ф. 459, оп. 8, д. 35в, л. 1–2].

Под ст. 58-7 УК попали Я. Резепов, заведующий школой, член ревизионной комиссии колхоза и середняк Д. Зюзиков, председатель колхоза. Их спецколлегия Верховного Суда Удмуртской АССР в ноябре 1937 г. приговорила к расстрелу. Они обвинялись в развале колхоза, ведении подрывной вредительской работы. Оба подсудимых якобы умышленно сгноили в 1935 г. 60 % собранного хлеба и 300 ц семенного материала. Под их руководством скот кормили гнилым фуражом от чего пали 21 голова КРС, 24 лошади, а остальные животные были выведены из строя. В 1936 г. весенний сев был сорван, колхоз остался без хлеба и семян. 30 % колхозников покинули колхоз. Обвиняемые будто бы проводили контрреволюционную агитацию террористического характера. Помимо этого, Резепов насиловал малолетних учениц [28, ф. 459, оп. 3, д. 3, л. 174]. Директора Можгинской МТС Удмуртии, которая была на хорошем счету, работала с прибылью, объявили врагом народа за то, что он будто бы проводил открытую контрреволюционную агитацию среди колхозников, распространяя лживые слухи о голоде в колхозах. В разговоре с секретарём райкома партии он пожаловался на то, что «колхозники остались без хлеба, нужно им помочь. В колхозах падеж скота, скот нужно раздать колхозникам» [23, с. 40].

В 1938 г по ст. 58-10 получил 7 лет лишения свободы бывший кулак из Удмуртии, ранее судимый по ст. 61 УК РСФСР (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение). Отбыв наказание, он вновь вёл контрреволюционную агитацию, призывал к выходу из колхоза. Будучи членом правления, не проводил записи отработанных трудодней, запутал отчётность. Его также обвиняли в умышленных поставках на склады Заготзерна некондиционного зерна [28, ф. 459, оп. 8, д. 35в, л. 74].

В контрреволюционеры можно было попасть и следующим образом. Т. Лушников обвинили по ст. 58-10. Он характеризовался как кулак, который в 1931 г. проводил среди селян агитацию против колхозного строительства, а в 1937 г. на общем колхозном собрании высказался против покупки жатки. Лушников обвинили и в том, что до революции он являлся торговцем. На самом же деле в ходе судебного следствия выяснилось, что при царе он воевал на германском фронте. Его избрали в 1931 г. первым председателем колхоза. В 1937 г. он выступал против сбора денег с колхозников на покупку жатки и предложил собрать задолженность перед колхозниками с председателя колхоза и членов правления, и на эти деньги выкупить жатку [28, ф. 459, оп. 3, д. 20, л. 56–57].

Подобных обвинений имелось немало. Уголовные дела возбуждались по надуманным основаниям. Содержание ст. 58 позволяло наказать практически за любые действия/бездействия. Просчёты в организации производства, критические высказывания давали основания для возбуждения уголовного дела по государственному преступлению. В 1937 г. только за антисоветскую пропаганду в Удмуртии репрессировали 3266 чел. [10, с. 286].

В связи с возросшими масштабами уголовных преследований по специальным делам увеличилось число случаев возвращения дел на дополнительное расследование и отмена приговоров. В Удмуртии было выявлено, что подготовительные заседания судебной коллегии по уголовным делам проводились с нарушением закона о судопроизводстве и Уголовно-процессуального кодекса: без секретаря в составе членов Верховного суда, протокол и определение подготовительного заседания писались шаблонно докладывающим членом суда, определение заменяло протокол подготовительного заседания.

В первом полугодии 1938 г. из Верховного суда РСФСР возвратили 118 дел. Без изменения оставили 72 % дел. К числу отменённых и возвращённых на дополнительное расследование дел относились

главным образом приговоры по обвинению по ст. 58-7 УК. Эти дела подчас были без заключения экспертной комиссии или с замечанием экспертной комиссии с некомпетентным составом [28, ф. 459, оп. 3, д. 20, л. 2, 49]. Многие приговоры в Удмуртии отменили из-за внесения в описательную часть приговоров подлинных контрреволюционных фраз. Теперь выступления обвиняемых лишь пересказывались.

Осенью 1938 г. «Большой террор» завершался, хотя контрреволюционные преступления по-прежнему занимали значительное место в судебных процессах. Большое значение для прекращения массового террора имело постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (17 ноября 1938 г.). Было признано, что органы НКВД и прокуратуры действовали упрощённым способом, путём практики массовых арестов. Упрощённый порядок расследования, при котором, как правило, следователь ограничивался получением от обвиняемого признания вины и совершенно не заботился о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными: показанием свидетелей, актами экспертизы, вещественными доказательствами и т. д. Нередко арестованный не допрашивался в течение месяца после ареста, иногда и больше. Не всегда велись протоколы допроса. В ряде случаев показания арестованного следователем записывались в виде заметок, а общий протокол составлялся позднее. Часто протокол допроса не составлялся до тех пор, пока арестованный не признавался в совершённых им преступлениях. Нередкими являлись случаи, когда в протокол допроса не записывались показания обвиняемого, опровергающие те или иные данные обвинения. В делах находились не подписанные допрашиваемым и не заверенные следователями протоколы показаний, включались недописанные и неутверждённые обвинительные заключения и т. п. Органы прокуратуры практически не участвовали в расследовании, а лишь регистрировали и штамповали следственные материалы [21, с. 308–311]. Это постановление сыграло большую роль в прекращении необоснованных арестов в период «Большого террора». Списывая все нарушения на мифических врагов народа, И. Сталин и Политбюро снимали с себя ответственность за произвол, учинённый в эти годы.

По приказу НКВД СССР (ноябрь 1938 г.) «О порядке осуществления постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г.» прекращалось производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению. Аресты должны были производиться в строго индивидуальном порядке. На каждое подлежащее аресту лицо выносилось специальное постановление, в котором обосновывалась необходимость производства ареста. Отменялась практика составления справок или меморандумов на арест. Все аресты предварительно согласовывались с прокурором. Производство арестов в районах без предварительной санкции вышестоящих органов НКВД допускалось лишь в исключительных случаях.

Отменялась практика продления наказания осуждённым, находящимся в ссылке и лагерях. Лица, отбывшие установленный для них срок наказания, освобождались из заключения. Любопытно было и такое решение. Все оперативные работники НКВД снабжались экземплярами Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов. Для этого издательства допечатывали тиражи [5, с. 309–311].

После указаний свыше о более тщательном расследовании контрреволюционных дел в Удмуртии происходили следующие изменения. Ситуация с сокращением репрессий в Удмуртии менялась в лучшую сторону в связи с окончанием массового террора. Если в 1-м полугодии 1938 г. судебные инстанции республики приговорили к расстрелу за контрреволюционные преступления 5 чел., то в 1-м полугодии 1939 г. — ни одного. В то же время количество осуждённых увеличилось — 168 и 227 соответственно. Рост произошёл в основном за счёт осуждённых на сроки от 2 до 10 лет — 136 и 220 чел. соответственно. В 1-м полугодии 1939 г. в республике было рассмотрено 206 дел по государственным преступлениям. Из 227 обвиняемых осудили 183, в т. ч. 56 колхозников и 35 единоличников. Во 2-м полугодии 1939 г. по 43 делам было осуждено 40 чел., среди них 6 колхозников и 9 единоличников [28, ф. 459, оп. 3, д. 20, л. 24, 51].

В Верховном суде Удмуртской АССР за 1939 г. было рассмотрено 185 дел в подготовительном заседании, из них прекратили одно дело и 6 дел возвратили на доследование. Большинство оправдательных приговоров по делам, рассмотренным судами во второй половине 1939 г., признавались правильными, т. к. обвиняемые были преданы суду необоснованно.

В начале 1939 г. из органов НКВД была получена огромная масса старых следственных дел с обвинительными заключениями. Причём значительное количество этих дел расследовалось в упрощённом порядке, т. к. предназначалось для рассмотрения во внесудебных инстанциях. Органы прокуратуры стали заниматься «разгрузкой» этих дел в кабинетном порядке, наспех, и поэтому по многим из них механически штамповали обвинительные заключения, а дела передавали в суды. Суды же

прекращали эти дела в подготовительных заседаниях, или выносили по ним оправдательные приговоры, или в большом количестве возвращали на доследование. Удмуртская прокуратура из 166 дел, расследованных органами НКВД в 1-м полугодии 1939 г. (на 216 чел.), допросила только 39 чел. (17,5 %), а во 2-м полугодии из 72 дел допросы проводились только по 45 делам (20,8 %) [5, с. 374–375]. Все эти факты свидетельствовали о формальной организации правосудия по контрреволюционным делам во время «Большого террора», когда требовалось отчитываться перед вышестоящими инстанциями об их неуклонном росте. Стоило принять решение о прекращении массовых репрессий, как весь негатив по судебным делам вышел наружу.

По-прежнему во всех бедах села были виновны враги народа. В циркуляре прокуратуры Удмуртии в апреле 1939 г. подчёркивалось, что «из практики прошлых лет нам известно, что в период подготовки и проведения весеннего сева враги народа и их приспешники, а также морально разложившиеся лица пытались сорвать весенний сев путём прямого вредительства по ремонту сельхозмашин, варварского отношения к коню, умышленной порчи семенного материала, недоброкачественной обработки почвы и заделки семян, наконец, путём снижения норм высева, расхищения семенного и фуражного материала» [28, ф. 635, оп. 2, д. 161, л. 22].

Карательные действия в отношении мнимых контрреволюционеров не закончились в 1930-е гг. В начале 1940-х гг. уже не в таком масштабе, как прежде, но продолжались уголовные преследования селян. Об этом свидетельствовала судебная практика. Обвинения же звучали прежние.

Проведённое исследование показывает, что одними из важных преступлений того времени являлись т. н. контрреволюционные преступления. Любое преступление, часто мифическое, даже критическое отношение к политике властей могло стать основанием для возбуждения уголовного дела по обвинению в контрреволюционном правонарушении.

Большая часть населения в то время проживала в деревне, и в основном крестьяне оказывались в числе осуждённых по ст. 58 УК РСФСР. Обвинение по этой статье можно было получить практически за всё. Широкое толкование ст. 58-10 позволяло правоохранительным органам проводить уголовное преследование за любое высказывание по поводу действия властных структур. Негативные оценки советской действительности расценивались как повод изоляции человека от общества.

Коренные трансформации в период сталинской модернизации не у всех вызывали эйфорию по поводу методов строительства социализма. Насильственное изъятие из деревни сельскохозяйственной продукции в виде заготовок, поставок, натуроплаты, налогообложения и т. п. вызывали негативную реакцию селян. Высказанное недовольство как публично, так и в узком кругу могло стать основанием для возбуждения уголовного дела. Среди населения постоянно поддерживался страх перед неминуемым наказанием.

Политический характер ст. 58 подразумевал меры социальной защиты за нарушения и в сфере экономической. Коллективизация, связанная с внеэкономическим нажимом, привела не только к потере мотивации к труду крестьянства, но и к индифферентному отношению к общественной собственности. К руководству коллективными хозяйствами зачастую приходили люди, не знавшие азов управления. Командно-приказные методы руководства вышестоящих партийно-советских органов приводили к непроизводительным потерям. К этому добавлялись природно-климатические катаклизмы 1930-х гг. В таких условиях неизбежны были низкие производственные показатели, нерентабельные результаты деятельности колхозно-совхозного сектора. Поэтому во всех неудачах находили политическую подоплёку: деятельность контрреволюционеров, *кенеша*, врагов народа, умышленно разрушающих основы социализма. Особенно ярко это проявилось в период «Большого террора».

Удмуртская деревня в этом случае не оказалась исключением. Никто не был застрахован от уголовного преследования: ни руководители региона, ни простые крестьяне. На вредителей легче было переложить недовольство населения, просчёты и недостатки в экономике, в т. ч. и в сельском хозяйстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воронцов В. С.* Рецензия на: Общество и власть. Российская провинция: в 2 т. Т. 1. Удмуртия в 1921 – середине 1930-х годов: сборник документов / сост. А. А. Кулаков, Л. П. Колодникова, О. Н. Леконцев, С. Л. Логинов, И. В. Рубанова. Москва – Ижевск – Глазов: Аверс, 2015. 528 с. // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 143–146.
2. *Восленский М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия совм. с МП Октябрь, 1991. 624 с.

3. *Доброноженко Г. Ф.* От идеологемы «кулак» к реальной социальной группе репрессированных крестьян (1918–1920 годы) // *Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология.* 2012. Вып. 3. С. 114–118.
4. *Земсков В. Н.* К вопросу о масштабах репрессий в СССР // *Социологические исследования.* 1995. № 9. С. 119–127.
5. *История сталинского Гулага.* В 7 т. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. М.: РОССПЭН, 2004. 728 с.
6. *История Удмуртии: XX век / под ред. К. И. Куликова;* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2005. 544 с.
7. *Караман В. Н.* Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20–30-гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2009. 267 с.
8. *Коломиец К. А.* Репрессивная политика Советского государства в деревне в 1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005. 241 с.
9. *Кропачев С. А.* Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 годах: дис. ... д-ра ист. наук. Майкоп, 2011. 420 с.
10. *Кузнецов Н. С.* Из мрака. Ижевск: Удм. ун-т, 1994. 494 с.
11. *Куликов К. И.* «Лудорвайское дело» и «Великий перелом» в Удмуртии // *Национально-государственное строительство в Удмуртии в 1917–1937 гг.* Ижевск, 1991. С. 109169.
12. *Леконцев О. Н.* Репрессии государства против крестьянства накануне войны (на материалах Кировской области и Удмуртской АССР) // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2016. № 6–3 (48). С. 125–128.
13. *Леконцев О. Н.* Коллективизация в Удмуртии (Вотской области) и Кировской области (Вятской губернии) в 1930–1933 гг. // *Изв. Самарского научного центра Российской академии наук.* 2010. Т. 12. № 6. С. 82–88.
14. *Никитина Г. А.* Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х годов). Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1998. 220 с.
15. *Общество и власть. Российская провинция. Конец XVIII–XX в. (по документам архивов Удмуртской Республики) / Бехтерева Л. Н., Васильева О. И., Лигенко Н. П., Пислегин Н. В., Родионов Н. А.* Ижевск: Шелест, 2017. 740 с.
16. *Советская юстиция.* 1933. № 16. С. 19–25.
17. *Степанов М. Г.* Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии. Абакан: ХРИПК и ПРО, 2009. 237 с.
18. *Суслов А. Б.* Реакция крестьян Пермского края на эскалацию репрессий в деревне в 1930 году // *Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология.* 2012. Вып. 3. С. 119–122.
19. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы.* В 5-ти тт. / Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.
20. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы.* В 5-ти тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 1. 1937. М.: РОССПЭН, 2004. 648 с.
21. *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы.* В 5-ти тт. / Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939. М.: РОССПЭН, 2006. 704 с.
22. *Уголовный кодекс РСФСР. Официальный текст с изменениями на 1 июля 1950 г. и с приложением постановочно-систематизированных материалов.* М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1950. 256 с. URL: http://istmat.info/files/uploads/49552/ugolovnyy_kodeks_rsfsr_-_1950.pdf
23. *Удмуртия: массовые репрессии 1930–1950 годов: исследования, документы.* Ижевск: Удмуртский краеведческий музей; М.: Радио и связь, 1993. 82 с.
24. *Филатов В. В.* Уральское село, 1927–1941 гг.: раскрестьянивание: монография. Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2010. 333 с.
25. *Хитрина Н. И.* О проведении землеустройства в Удмуртии 1921–1929 гг. // *Социально-культурные преобразования в Удмуртии в период строительства социализма (1917–1941 гг.).* Ижевск, 1979. С. 54–68.
26. *Хрестоматия по истории Удмуртии в 2 томах. Т. 2: Документы и материалы, 1917–2007 / сост.: Е. М. Ушакова (отв. сост.) и др.* Ижевск: Ком. по делам архивов при Правительстве УР: ГУ Удмуртский ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2007. 769 с.
27. *Шибанов К. И.* Социалистическое преобразование удмуртской деревни. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1963. 158 с.
28. *Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР).*

Поступила в редакцию 18.03.2019

Филатов Владимир Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова» 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, проспект Ленина, 38
E-mail: v.philatov@mail.ru

V.V. Filatov

“COUNTER-REVOLUTIONARY CRIMES” IN AGRICULTURE OF UDMURTIA IN THE 1930s

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-4-614-624

The article is devoted to one of the tragic periods in the history of Udmurtia and the whole country. The repressions of the 1930s affected many people in one way or another. Of particular importance was the law enforcement of state crimes, especially the so-called counter-revolutionary crimes. The actual material of that time showed a violation of human rights. Everyone could be declared and condemned as a counter-revolutionary, regardless of his or her position. As a result of repressions, first of all wealthy peasants suffered. They were declared counter-revolutionaries, the main opponents of all actions of the Soviet power in the village. The failures of the collective and state economy were attributed to the enemies of the people, the activities of counter-revolutionary organizations. Protection from mythical criminals turned into punitive actions, into organized Big Terror. The Udmurt regional material shows that repressions against rural residents and other segments of the population on counter-revolutionary crimes did not differ from other regions of the country.

Keywords: Udmurtia, power, counter-revolutionary crimes, peasants, kulaks, agriculture, repressions, law enforcement agencies.

REFERENCES

1. *Vorontsov V. S.* Retsenziya na: Obshchestvo i vlast'. Rossiyskaya provintsiya: v 2 t. T. 1. Udmurtiya v 1921 – seredine 1930-kh godov: sbornik dokumentov / sost. A. A. Kulakov, L. P. Kolodnikova, O. N. Lekontsev, S. L. Loginov, I. V. Rubanova. Moskva – Izhevsk – Glazov: Avers, 2015. 528 s. [Review of: Society and authorities. Russian province: 2 tons. T. 1. Udmurtia in 1921 – mid 1930s: collection of documents / comp. A. A. Kulakov, L. P. Kolodnikova, O. N. Lekontsev, S. L. Loginov, I. V. Rubanova. Moscow – Izhevsk – Glazov: Obverse, 2015. 528 p.]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. [Bulletin of Udmurt University. Series History and philology], 2016, vol. 26, issue 4, pp. 143–146. (In Russian).
2. *Voslenskiy M. S.* Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza. [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow, Soviet Russia sov. with MP October, 1991, 624 p. (In Russian).
3. *Dobronozhenko G. F.* Ot ideologemy “kulak” k real'noy sotsial'noy gruppe repressirovannykh krest'yan (1918–1920 gody). [From the ideology of the “fist” to the real social group of repressed peasants’ (1918–1920)]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and philology], 2012, vol. 3, pp. 114–118. (In Russian).
4. *Zemskov V. N.* K voprosu o masshtabakh repressiy v SSSR [On the issue of the scale of repression in the USSR. Sociological studies]. 1995, no. 9, pp. 119–127. (In Russian).
5. Istoriya stalinskogo GULAGA. T. 1. Massovyeye repressii v SSSR [History of Stalin’s Gulag. Vol. 1. Mass Repressions in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 726 p. (In Russian).
6. Istoriya Udmurtii: XX vek / pod red. K. I. Kulikova. [History of Udmurtia: XX century / ed. K. I. Kulikov]. Izhevsk, Ed. of the UIIYAL UB RAS, 2005, 544 p. (In Russian).
7. *Karaman V. N.* Politicheskiye repressii v otnoshenii krest'yanstva na Dal'nem Vostoke SSSR v 20-30-gg. [Political repressions against the peasantry in the Far East of the USSR in the 20–30s]. Dis. ... cand. hist. sciences. Vladivostok, 2009, 267 p. (In Russian).
8. *Kolomiyets K. A.* Repressivnaya politika Sovetskogo gosudarstva v derevne v 1930-ye gg. [Repressive policy of the Soviet state in the village in the 1930s]. Dis. ... cand. hist. sciences. Penza, 2005, 241 p. (In Russian).
9. *Kropachev S. A.* Otechestvennaya istoriografiya masshtabov i form repressiy i demograficheskikh poter' SSSR v 1937–1945 godakh [Domestic historiography of the scale and forms of repression and demographic losses of the USSR in 1937–1945]. Dis. ... d-r hist. sciences. Maykop, 2011, 420 p. (In Russian).
10. *Kuznetsov N. S.* Iz mraka [From the gloom]. Izhevsk, Udmurt University Publ., 1994, 494 p. (In Russian).
11. *Kulikov K. I.* “Ludorvayskoye delo” i “Velikiy perelom” v Udmurtii. Natsional'no-gosudarstvennoye stroitel'stvo v Udmurtii v 1917–1937 gg. [“Ludorvayskoye delo” and “The Great Turning Point” in Udmurtia. National-State Construction in Udmurtia in 1917–1937]. Izhevsk, 1991, pp. 109–169. (In Russian).
12. *Lekontsev O. N.* Repressii gosudarstva protiv krest'yanstva nakanune voyny (na materialakh Kirovskoy oblasti i Udmurtskoy ASSR) [Repressions of the state against the peasantry on the eve of the war (on the materials of the Kirov region and the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic)]. Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal. [International Scientific Research Journal], 2016, no. 6–3 (48), pp. 125–128. (In Russian).
13. *Lekontsev O. N.* Kollektivizatsiya v Udmurtii (Votskoy oblasti) i Kirovskoy oblasti (Vyatskoy gubernii) v 1930–1933 gg. [Collectivization in Udmurtia (Votsky region) and Kirov region (Vyatka province) in 1930–1933]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, vol. 12, no. 6, pp. 82–88. (In Russian).

14. *Nikitina G. A.* Udmurtskaya obshchina v sovetskiy period (1917 – nachalo 30-kh godov) [Udmurt community in the Soviet period (1917 – the beginning of the 30s)]. Izhevsk, Udmurta Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 1998, 220 p. (In Russian).
15. *Obshchestvo i vlast'*. Rossiyskaya provintsiya. Konets XVIII–XX v. (po dokumentam arkhivov Udmurtskoy Respubliki) / Bekhtereva L. N., Vasil'yeva O. I., Ligenko N. P., Pislegin N. V., Rodionov N. A. [Society and power. Russian province. Late 18–20 c. (according to documents from the archives of the Udmurt Republic) / L. N. Bekhtereva, O. I. Vasilyeva, N. P. Lygenko, N. V. Pislegin, N. I. Rodionov]. Izhevsk, Shelest Publ., 2017, 740 p.
16. *Sovetskaya yustitsiya*. [Soviet justice], 1933, no. 16, pp. 19–25. (In Russian).
17. *Stepanov M. G.* Politicheskiye repressii v SSSR perioda stalinskoj diktatury (1928–1953 gg.): vzglyad sovetskoy i postsovetskoy istoriografii [Political repressions in the USSR of the period of the Stalin dictatorship (1928–1953): a view of Soviet and post-Soviet historiography]. Abakan, KHRIPK i PRO Publ., 2009, 237 p. (In Russian).
18. *Suslov A. B.* Reaktsiya krest'yan Permskogo kraja na eskalatsiyu repressiy v derevni v 1930 godu [The reaction of the peasants of the Perm region to the escalation of repression in the village in 1930]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya. [Bulletin of Udmurt University. Series History and philology], 2012, vol. 3, pp. 119–122. (In Russian).
19. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tt T. 2.* (Noyabr' 1929 – dekabr' 1930) [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials. Vol. 2. (November 1929 – December 1930)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, 927 p. (In Russian).
20. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tt T. 5.* 1937–1939. Kn. 1. 1937. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials. Vol. 5. 1937. Book 1. 1937]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 648 p. (In Russian).
21. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tt T. 5.* 1937–1939. Kn. 2. 1938–1939. [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials. Vol. 5. 1937–1939. Book 2. 1938–1939]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006, 704 p. (In Russian).
22. *Ugolovnyy kodeks RSFSR. Ofitsial'nyy tekst s izmeneniyami na 1 iyulya 1950 g. i s prilozheniyem postateynno-sistematizirovannykh materialov* [Criminal Code of the RSFSR. The official text, as amended on July 1, 1950, and with the addition of article-systematized materials]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature Publ., 1950, 256 p. (In Russian). URL: http://istmat.info/files/uploads/49552/ugolovnyy_kodeks_rsfsr_-_1950.pdf
23. *Udmurtiya: massovyie repressii 1930–1950 godov: issledovaniya, dokumenty*. Izhevsk, Udmurt Local History Museum; Moscow, Radio and communication Publ., 1993, 82 p. (In Russian).
24. *Filatov V. V.* Ural'skoye selo, 1927–1941 gg.: raskrest'yanivaniye: monografiya [Uralskoye village, 1927–1941: deprivation of the status of the peasantry]. Magnitogorsk, MGTU Press, 2010, 333 p. (In Russian).
25. *Khitrina N. I.* O provedenii zemleustroitel'stva v Udmurtii 1921–1929 gg. Sotsial'no-kul'turnyye preobrazovaniya v Udmurtii v period stroitel'stva sotsializma (1917–1941 gg.) [On the conduct of land management in Udmurtia, 1921–1929. Socio-cultural transformations in Udmurtia during the period of building socialism (1917–1941)]. Izhevsk, 1979, pp. 54–68. (In Russian).
26. *Khrestomatiya po istorii Udmurtii v 2 tomakh. T. 2: Dokumenty i materialy, 1917–2007 / sost.: Ye. M. Ushakova (otv. sost.) i dr.* [Reader on the history of Udmurtia in 2 volumes. T. 2: Documents and materials, 1917–2007 / comp.: E. M. Ushakova (otv. Comp.) and others]. Izhevsk, Kom. for archives under the Government of the UR: GU Udmurt Institute of History, lang. or T. UB RAS, 2007, 769 p. (In Russian).
27. *Shibanov K. I.* Sotsialisticheskoye preobrazovaniye udmurtskoy derevni [The socialist transformation of the Udmurt village]. Izhevsk, Udmurt. Prince publ. house, 1963, 158 p. (In Russian).
28. *Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Udmurtskoy respubliki (TSGA UR)* [Central State Archive of the Udmurt Republic (CSA UR)]. (in Russian, unpublished).

Received 18.03.2019

Filatov V.V., Doctor of History, Professor at Department of World History
Nosov Magnitogorsk State Technical University
Lenina st., 38, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, Russia, 455000
E-mail: v.philatov@mail.ru